

На правах рукописи

Пашкова Наталия Викторовна

**ПОНИМАНИЕ КАК ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА
ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛОСОФИИ М.К. МАМАРДАШВИЛИ)**

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ростов-на-Дону – 2017

Работа выполнена на кафедре философии ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный технологический университет»

Научный руководитель: **Хакуз Пшимаф Муратович**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Билалов Мустафа Исаевич**
доктор философских наук, профессор,
Дагестанский государственный университет,
заведующий кафедрой онтологии и теории
познания

Сидоров Валерий Григорьевич
доктор философских наук, профессор,
Кубанский государственный университет,
профессор кафедры философии

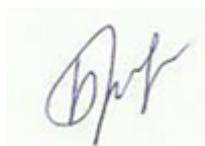
Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Южно-Российский
государственный политехнический
университет (НПИ) имени М.И. Платова»**

Защита состоится «___» апреля 2017 года в 14.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.208.11 по философским наукам Южного
федерального университета по адресу: 344065, г. Ростов-на-Дону, пер.
Днепровский 116, ауд. 220

Автореферат разослан «___» февраля 2017 года.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Южного
федерального университета (г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге 21 ж) и на сайте
Южного федерального университета по адресу:
<http://hub.sfedu.ru/diss/announcement/6931c4bf-45f8-4dd1-9284-07c11e7edacd/>

Ученый секретарь
диссертационного совета

Браерская А.Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Философия, пожалуй, единственная наука, которая перманентно актуализирует вопрос о собственном существовании. Ни одна другая дисциплина не испытывает столь существенных затруднений в определении границ предмета исследования, поскольку в философии сам предмет этих границ не имеет. Парадокс философии заключается в том, что, сталкиваясь с проблемой дефиниции, она продолжает развиваться, запутывая и распутывая клубок самых различных вопросов, касающихся основ познания, сущего, системы ценностей и т.д. Предмет философии – все существующее, а значит, философия есть стремление к познанию всего существующего. Отсутствие конкретных выводов отнимает у философии право быть точным знанием, что позволяет нам быть всегда сомневающимися, следовательно, постоянно совершать акт мысли.

По мнению Декарта, в акте *cogito* субъект обретает и осознает свое бытие: в каждое мгновение мысли мы просыпаемся и умираем, снова просыпаемся обновленными и снова уходим и так происходит до тех пор, пока наш разум продуцирует мысль. Состояние наивного сознания подобно сну. Наивность проявляется в том, что мы воспринимаем мир таким, каким он видится нам, не сомневаясь. Философия же пробуждает человека. Она приводит нас не просто к созерцанию, но и к *пониманию* созерцаемого. Когда мы говорим о понимании, мы не имеем в виду того, что определяет границы нашего знания и содержание сознания, то есть мы не представляем его в рамках классической философской интерпретации, не рассматриваем только в контексте гносеологии. Мы говорим о личностном понимании, о «моем» понимании, а значит, онтологизируем его, поскольку личностно освоенные смыслы определяют бытийное пространство человека.

Современное общество по-прежнему нуждается в механизмах, побуждающих сохранять индивидуальное сознание, осмысленное отношение

к происходящему. Долгое время оно было сосредоточено на научно-техническом прогрессе, вместе с достижениями в области компьютерных технологий в дверь постучалась массовая культура, буквально поглотившая индивидов потоком информации. Когда-то философы боролись с «идолами» рода, затем с «идолами» – идеологиями; прошло время, но идола остались и приобрели новую форму в лице стандартизации и унификации в сфере культуры и социальной жизни. Многочисленные военные конфликты, столкновения различных социальных групп, деградация духовности человеческой цивилизации в виде замены ценностей морали на ценности материальные – все это свидетельствует о потере ориентира, направляющего и мотивирующего к развитию духовности. Этот ориентир находится близко и далеко одновременно, он создает видимость доступности, очевидности и ясности, но стоит только сосредоточиться на нем, он ускользает, оставляя в растерянности и полном неведении любого, кто попытается проникнуть внутрь.

Речь идет о нашем «Я», о сознании, выстраивающем и воспроизводящем реальность. В этом смысле *понимание* оказывается его возможностью, условием формирования *пространства личностного бытия*. Понятие «пространства» в данном контексте не имеет материальных границ, физической протяженности, это, прежде всего, содержание нашего сознания, способное расширяться, углубляться благодаря деятельности «Я». Когда мы упоминаем о «границах «Я», то имеем в виду внутреннее чувство различения «моего» (того, что уже является частью сознания, усвоенное и осмысленное) от «другого», что не попадает в поле внимания «Я», или что еще не познано, не усвоено, не осмыслено.

Здесь нет никакой принципиальной новизны, так как данная концептуальная трансформация – открытие философии XX века: в частности, философской герменевтики. Мы не можем пройти мимо хайдеггеровского обобщения-интуиции Dasein, изменившего философский взгляд на понимание, «превращая его из производной структуры в

центральную характеристику человеческого опыта. Философская герменевтика стремится занять более принципиальную позицию, отказавшись приписывать пониманию познавательную задачу, то есть рассматривать понимание как альтернативный способ познания»¹.

Таким образом, перефразируя Р.Декарта, можно было бы вывести новую формулу: «Понимаю, значит существую» – где существование в силу своей заряженности выводит человека из онтической плоскости повседневной жизни на онтологический уровень сущности и бытийственности, имманентных нашему сознанию. Философская герменевтика, открытая Хайдеггером и Гадамером, в отличие от классического трансцендентализма, вовлекает субъект в практическую деятельность в мире и не противопоставляет их друг другу.

Драматизм первой и второй мировых войн открыл путь индивида «к самому себе» и, по сути, показал, что цель человечества вовсе не в изобретении технических новинок и не в улучшении качества материальной жизни, а в особой миссии, что находит свое отражение в многочисленных современных философских концепциях. Войны и страдания всегда рядом со смертью и лишениями. Именно в этот момент дух возвышается над телом, ищет смысл не только в происходящем, но и переосмысливает что-то в себе, становится Другим: «Историческое существование, – говорил М.К. Мамардашвили, – требует сознательного человеческого участия в исторических событиях. История начинается со способности рефлексивно описывать историю, со способности заполнять пустые места и производить смысл»². Это возможно в том случае, когда присутствует способность и желание извлекать опыт, что происходит далеко не всегда. Тогда все повторяется снова, что подтверждает человеческая история. XX век стал олицетворением чудовищной жестокости, погубившей десятки миллионов

¹Ставцев, С.Н. Онтологизация субъективности и философская герменевтика: М. Хайдеггер и Г.-Г. Гадамер. // Рабочие тетради по компаративистике. / Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб., 2003. с.60.

²Мамардашвили, М.К. Гражданское общество.//<http://mamardashvili.com/files/pdf/civilazation>, 12.03.2013

душ. Равнодушие к человеческой жизни, всепоглощающая сила тоталитарных режимов, подавление личного начала вызвало смещение фокуса философского исследования в онтологию, потребовало пристального внимания к основаниям мысли. В частности, проблема понимания получила новое представление в философии как вопрос, связанный не столько с познанием, сколько с осознанием «Я».

Понимание становится условием дифференциации индивида, проводником его духовного развития, внутренней силой, направленной на процесс мыслесозидания, а точнее, мыслетворчества.

Особую остроту данная тема обретает в отечественной философии. Это во многом определило выбор материала данного исследования проблемы понимания, а именно: мы остановились на советском периоде, философское наследие которого не столь часто предстает объектом специального изучения.

В рамках современных интерпретаций философия советского времени чаще всего представала и предстает в качестве единого идеологического пространства, в котором не было места свободной мысли. С этим сложно согласиться.

Особое внимание заслуживает период так называемой «оттепели» и деятельность философов – «шестидесятников». В это время в духовной сфере наметилась тенденция отпочкования от идеологического каркаса марксизма. Десталинизация позволила на время получить необходимую свободу для развития новых концепций в философии, актуализировать новые вопросы и проблемы, создать благоприятные условия для дискуссий. Это десятилетие подарило отечественной науке целую плеяду выдающихся ученых, среди них мы выделяем Мераба Константиновича Мамардашвили. Он внес свою лепту в разработку проблемы понимания. Этот немаловажный аспект его творчества незаслуженно обделяется вниманием в научной литературе. Между тем понимание само по себе является частью темы,

которую автор считал основополагающей – это тема сознания, а точнее метафизика сознания.

Идеи М.К. Мамардашвили не только современны, но и *своевременны* в виду глобальных социально-политических и культурных процессов. Как известно, его мысли были обращены к новому поколению, которое должно было изменить историю посредством культивирования свободы – жизненно необходимой среды для развития сознания и духовности. Так как метафизический смысл находит свое отражение в социальном и эмпирическом, можно увидеть актуальность данной цели и ее нереализованность, даже в условиях распространения «демократических ценностей». Массовая культура продуцирует «идолы», подменяющие личный опыт индивида, препятствует развитию свободной личности и свободного общества, ориентированного, прежде всего, на духовность.

Иными словами, не имеет значения политическая аура, в которой находится индивид. Это может быть тоталитаризм или демократия. Свобода всегда связана с возможностью отделять «мое» от всего остального. Когда существует внутренняя свобода, общество духовно прогрессирует, так как главное назначение человека – реализация себя как духовного существа.

В творчестве М.К. Мамардашвили нашли свое отражение идеи различных философских школ, сплелось множество теоретических источников и методологических установок. При этом все, что было представлено М.К. Мамардашвили в виде модели понимания, не есть компиляция чужого опыта, а средство, проводник к его собственному открытию, выстраданному в процессе человеческого и философского поиска. Интересно и отношение мыслителя к тексту. Архитектура – это музыка, застывшая в камне, а текст – это мысль, застывшая на бумаге. Текст – это не просто идея автора, это сам автор, со своей судьбой и своим открытием в

поиске истины: «Меня увлекает тема перекрестков, схождения взглядов, в которых угадывается судьба»,³ – говорил М.К. Мамардашвили.

В одном из своих интервью М.К. Мамардашвили так охарактеризовал свое время: «Сама эта атмосфера общения, эти искры озарения, творчества... Многие из нас, варившиеся в этой атмосфере, стали потом совсем непохожими философами. И это нормально, важно, что они стали ими, состоялись как интересные личности»⁴.

Влюбленный в европейскую культуру, будучи идеалистом и утопистом в плане ее восприятия, М.К. Мамардашвили строил свое мировоззрение на вере в человеческое, разумное. Показательны его слова о том, что понятие развития он рассматривает через призму «развитости».

В предисловии к фильму «Путь домой» режиссер Николай Дроздов справедливо заметил, что Мераб Константинович давно стал достоянием мировой культуры, а его размышления о мысли, о человеке, о времени преодолели исторический барьер, оказавшись философией современной жизни. Историческое время, в котором жил М.К. Мамардашвили, еще не оценено и не рассмотрено поколениями всесторонне. Должно пройти какое-то время, чтобы прошлое было «приговорено» настоящим, выявлена его ценность и значение для будущего общества. Нужно всегда исходить из уроков предшествующего опыта. М.К. Мамардашвили подчеркивал: «...наступил весьма важный момент – уяснение и восприятие прошлого с ответом на вопрос: какое прошлое говорит в нас, обязательно Говорит»⁵.

По его мнению, процесс понимания должен касаться не только повседневных вещей, но и затрагивать глубокие слои бытия, приводить к осознанию исторического и себя в нем. Эта мысль не перестает быть актуальной особенно сейчас, когда информации в обществе стало чрезмерно

³Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. с. 35

⁴Мамардашвили, М.К. Быть философом - это судьба. // «Философская и социологическая мысль». Киев. 1989. №2. Перепечатано в книге «Как я понимаю философию». М., 1990. с.35.

⁵Отрывок из монолога документального фильма «Путь домой» (реж. Н. Дроздов). [Видеорецепт]: URL.<https://www.youtube.com/watch?v=POedGaltuOM>., 22.08.2015.

много, и от личного усилия зависит, как именно она повлияет на развитие индивидуального и общественного сознания.

Помимо упомянутых предпосылок на выбор темы повлиял и личный интерес к персоне, мировоззрению и философскому учению М.К. Мамардашвили.

Обращаясь к его работам, отметим, что его философия еще не прочитана, многие его тексты были только услышаны. Более того, не представляет ни малейшего сомнения актуальность его философского поиска, направленного на обретение смысла в бесформенном мире социалистической реальности и реальности настоящей.

М. К. Мамардашвили в одном из интервью⁶ повторяет: «Собственное прозрение приходится все время завоевывать», причем «каждый раз заново», создавая «напряженную зону сознания», где сливается умственное и эмоциональное, и где «создается какое-то особое время жизни, не текущее хронологически, но то, в котором ты пребываешь». Он был убежден в том, что «готовая мысль вообще не транслируется», она всегда есть результат духовного усилия и напряжения, где духовное усилие – это место «встречи» переживания с мыслью»⁷.

В философии М.К. Мамардашвили проблема понимания обретает онтологическое звучание хайдеггеровского толка: *«Выступающего не должно интересовать – понимают его или нет. Понимание того, что я говорю – это Твое дело, а понимание того, что говоришь ты – это Мое дело!»*⁸. Понимание побуждает человека к личностному развитию, прежде всего, как мыслящего субъекта, предполагая перспективу, основанную на идее, *что целью жизни является не счастье, а смысл*. Такое стремление зачастую болезненно, но оно является автономным, и мы не можем удержаться от того, чтобы не искать его. Данная проблема обретает у

⁶Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию. М., 1992. с. 139.

⁷ Там же. с. 11

⁸ Цитата приведена из документального фильма Александра Архангельского «Отдел» (серия 5) [Видеорецепт]:http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20900/episode_id/156101/video_id/156101/, 15.09.2014

философа не только субъективный, но и всеобщий характер, так как созидание мысли есть условие развития всего человечества, его духовности. Когда-то Сократ возлагал эту миссию на философов, М.К. Мамардашвили также считал, что философ-интеллигент ответственен не только за себя, но и за других. Таким образом, в фокусе размышлений М.К.Мамардашвили субъект, созидающий не только свое личностное пространство, но пространство историческое.

Вряд ли мы можем говорить *о системе* философских воззрений М.К. Мамардашвили, да и для него самого следование каким-то формальным требованиям представляло собой ограничение мыслесозидания. Данный аспект затрудняет реконструкцию его идей, но, в свою очередь, создает благоприятные предпосылки для индивидуальной работы, позволяющей извлекать не только авторское, но и свое собственное прочтение проблемы понимания.

Важно отметить, что в научно-исследовательской литературе тема понимания у М.К. Мамардашвили рассматривается фрагментарно. В свою очередь без нее невозможно раскрыть какой-либо аспект философии ученого. Можно сказать, что философия понимания – это ключ к пониманию философии М.К. Мамардашвили.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема понимания родилась одновременно с философской рефлексией, продолжительно развиваясь в рамках теории познания. Интерес к гносеологической проблематике оставался актуальным во все времена, поэтому весьма сложно систематизировать все существующие концепции, которые в той или иной степени рассматривали и рассматривают понимание как феномен.

Для того чтобы предмет нашего исследования был вполне определенным, необходимо обозначить его рамки, а именно: выделить именно тот теоретический материал, который непосредственно затрагивает онтологическую сторону понимания и не просто понимания как такового, а индивидуального, личного понимания.

Косвенными предпосылками этого открытия, несомненно, выступает вся предшествующая история философии, однако важнейшим открытием субъекта не просто как источника познания, но и источника бытия, выступает концепция Декарта, раскрывающаяся в самой известной философской формуле «Cogito ergo sum». Можно сказать, что «из Декарта» выросла вся трансцендентальная философия, и именно она явилась той почвой, на которой появился интерес к субъекту как активной, продуцирующей силе, не просто отражающей все, что ее окружает, но и творящей, созидаящей бытие. Но что значит исследовать субъект? Это значит – иметь представление о механизмах, структурах сознания, которыми он обладает. Априори мы отдаем важнейшую роль в этом направлении И.Канту, Ф. Шеллингу, Г. Гегелю. На основании их открытий стала возможной феноменология Э. Гуссерля и развитие современных трактовок метафизики сознания. Э. Гуссерль – последний трансценденталист, попытавшийся выявить условия возможности сознания как такового. Его идеи стали теоретическим основанием для многих учений и направлений, как в европейской, так и в отечественной науке. Среди них философская герменевтика. Одним из первых ученых, применивших герменевтический подход в феноменологии, был русский философ Г.Г. Шпет. Он подчеркнул тесную взаимосвязь понимания и интерпретации: «Герменевтическое содержание предмета «открывается анализом самого содержания предмета»⁹. Таким образом, понимание и интерпретация пересекаются в синтезировании двух методологических оснований.

Мысль субъекта представляет собой совокупность символов и знаков, причем некоторые из них исключительно индивидуальны и требуют «дешифровки», толкования. Актуализация этого вопроса способствовала формированию философской герменевтики. Одним из ее ярких представителей был Ф. Шлейермахер¹⁰, ориентировавшийся на прояснение и

⁹ Шпет, Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. М., 2012. с. 169.

¹⁰ См. напр.: Шлейермахер, Ф. Герменевтика. — СПб., «Европейский дом», 2004

усвоение изначальных смыслов текста. Ему же принадлежит открытие метафоры герменевтического круга, который необходимо разорвать, чтобы достичь абсолютного понимания. Его концепция понимания текста была подвергнута критике со стороны В. Дильтея, продолжившего развитие идеи герменевтического круга и включившего в нее психологию автора и социально-исторические условия рождения произведения. Он не принял естественнонаучный подход объяснения явлений, сосредоточившись на собственном методе понимания – описательной психологии.

Новый виток в развитии философской герменевтики связан с именами Х.-Г. Гадамера¹¹ и М. Хайдеггера¹². Они не только разрушили «миф» о герменевтическом круге, но и осуществили онтологизацию герменевтического понимания. Особенно ярко это отражено в работах М. Хайдеггера. Его «бытийный» вопрос ознаменовал рождение новой философии, которая, словно птица Феникс, возродилась из пепла, обратившись к своим истокам. Dasein явилось важнейшей экзистенцией современной философской мысли. Категория, символизирующая возможность мыслить бытие, выступает предструктурой понимания – условием мысли. Можно сказать, что «в типологическом плане Хайдеггер с его онтологической герменевтикой и вместе с тем акцентом на языке – это мост между психологической герменевтикой Дильтея с его антирефлексивными установками и лингвистической герменевтикой Рикера с ее неорефлексивными установками»¹³.

Существенный вклад в разработку концепции понимания внесли такие ученые как Л. Витгенштейн, Г. Райл, П. Рикер¹⁴, К. Поппер, М. Мерло-Понти¹⁵, К. Лоренц, К.-О. Апель¹⁶ и др. По большому счету, благодаря этим

¹¹ См. напр.: Гадамер, Г.Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: М.: Прогресс, 1988.-704 с.

¹² См. напр.: Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Библихина — М.: Ad Marginem, 1997, 503с.

¹³ Автономова, Н. Понимание, язык, метафора//Рассудок. Разум. Рациональность: Монография. – М.: Наука, 1988. с. 157.

¹⁴ См. напр.: Рикер, П. Конфликт интерпретаций, очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995

¹⁵ См. напр.: Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. СПб.-б.:Ювента, 1999. -605с.

¹⁶ Апель, К.О. Трансформация философии. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка. М.: Логос, 2001.

исследованиям произошло переосмысление основ классической философии в пользу формирования нового направления – философской герменевтики и философии языка.

Вопросы философской герменевтики поднимаются в научных разработках последних лет. В частности, отметим монографию Г.А. Ермоленко, обратившейся к изучению роли метафоры в понимании философского текста. Помимо этого, отметим статьи последних лет по данной проблематике П.М. Хакуза¹⁷, Е.О. Акишиной, О.С. Макаровой, Е.А. Никитиной, И.В. Полозовой, Н.С. Автономовой¹⁸.

Большое значение в развитии проблемы понимания как условия духовного развития человека имеет экзистенциальная философия, персонифицировавшая субъект и наделившая его правом свободного выбора. Чтобы осознать себя как бытие, человек должен оказаться в «пограничной ситуации». Осознающее бытие несет и ответственность за себя. Экзистенциализм – это весьма неоднородное течение, среди наиболее ярких его представителей выделим: К. Ясперса, Г. Марселя, Ж.-П. Сартра, А. Камю. Из представителей русской мысли – это Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов и др.

Как предмет исследования современной отечественной и зарубежной науки проблема понимания раскрывается с точки зрения теоретико-содержательных, историко-философских подходов к сознанию, обнаруживающих взаимосвязь сознания и личностного бытия: Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Э.В. Ильенков, В.А. Лекторский, Ж. Пиаже и др., а также современными российскими исследователями: В.А. Лекторский, Г.А. Нуждин, А.Л. Никифоров, Е.К. Быстрицкий и др.

Отдельное внимание мы уделяем идеям М.К. Мамардашвили, который хотел понять, как происходит процесс рождения мысли, но мысли не

¹⁷См. напр: Хакуз, П.М. Понимание философского текста как вопрошающая активность: герменевтический практикум (философия для аспирантов и соискателей): Учеб.пособие// КубГТУ, каф.философии; Краснодар, 1997.-142 с. 128.Хакуз, П.М.Проблемный анализ науки и философии: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01. - Екатеринбург, 1999. - 276 с.

¹⁸Автономова Н.С. Метафорика и понимание // Загадки человеческого понимания: Сб. ст. / Сост. В.П. Филатов. – М.: Политиздат, 1991. с. 95–113.

вообще, а «моей» мысли. Он разработал оригинальную методологию понимания текста, уделяя внимание личности автора.

В виду того, что проблема понимания рассматривается в контексте философии М.К. Мамардашвили, необходимо обозначить исследовательскую литературу, освещающую философское наследие М.К. Мамардашвили.

Отдельную группу составляют публикации современников философа, ставших свидетелями его судьбы и творчества. Среди них заметное место занимают комментарии Ю.П. Сенокосова, статьи В.А. Подороги, В.А. Кругликова, А.А. Парамонова, А.В. Ахутина, В.В. Бибахина, Л.Н. Доброхотова, В.П. Зинченко, В.В. Калининченко, А.М. Пятигорского, Н.В. Мотрошиловой, Е.В. Ознобкиной, Г.П. Щедровицкого и др.

В следующую группу входят зарубежные исследователи, проявившие интерес к философскому наследию М.К. Мамардашвили: Т. Петков, Д. Деянов (Болгария), З.Шатиришвили (Грузия), Т. Лейн (Финляндия), Эверт ван дер Зверде (Голландия) и др.

Для полноты представления о степени разработанности темы исследования были изучены и диссертационные сочинения последних лет¹⁹.

Работа с первоисточниками и научной литературой позволила выявить весьма немногочисленные теоретические основания по философии советского периода. Проблема понимания, которую мы рассмотрели в контексте философии М.К. Мамардашвили, также незаслуженно обделена интересом со стороны ученых. Все это изначально дало потенциал настоящему диссертационному сочинению, обусловило благоприятные предпосылки для авторского труда.

¹⁹ См. напр.: Малышкина Н. А.. Философское учение М. К. Мамардашвили о человеке и обществе :Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 Чебоксары, 2005. //Пуцаев Ю.В. Феноменология и диалектика в творчествеМ.К. Мамардашвили и Э.В. Ильенкова : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.01 / Пуцаев Ю. В. [Место защиты: Ин-т философии РАН].- Москва, 2009.- 193 с.// Игнатова, А.А. Метатеоретический подход к к анализу сознания : на основе работ М.К.Мамардашвили : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.01- Ростов-на-Дону, 2011. - 138с. // Кашин, В.В. Генезис понимания: Онтологический и гносеологический аспекты: Дис. ...док. филос. наук: 09.00.01 Уфа, 2001. 282 с.

Объектом диссертационного исследования является проблема понимания в философии М.К. Мамардашвили.

Предметом диссертационного исследования является специфика онтологического толкования понимания в философии М.К. Мамардашвили.

Цель и задачи диссертационного исследования.

Целью диссертационного исследования выступает выявление и рассмотрение роли понимания в процессе формирования пространства личностного бытия.

Поставленная цель может быть достигнута путем решения ряда исследовательских задач:

– рассмотреть социокультурные и духовные основания философии М.К. Мамардашвили;

– реконструировать теоретико-методологические основания учения М.К. Мамардашвили;

– раскрыть сущность Диалога в процессе понимания, необходимость осуществлять акт мысли не только через Других, но и при Других (на примере размышлений «Как я понимаю философию»);

– обосновать взаимосвязь между категориями «существование» и «понимание» (на примере «Картезианских размышлений»), рассмотреть онтологическое значение понимания как условие формирования пространства личностного бытия;

– рассмотреть метафору как условие «понимательной среды» (на примере «Лекций о Прусте»).

Теоретические и методологические основания исследования

Историко-философская работа, прежде всего, основывается на первоисточниках, позволяющих непосредственно соприкоснуться с оригинальной мыслью без преломления относительно иной научной трактовки. Поэтому главными теоретическими источниками в нашей работе выступают произведения и устное наследие М.К. Мамардашвили.

Особую значимость для диссертационного исследования представляют три работы – размышления философа, включающие в себя лекции М.К. Мамардашвили («Картезианские размышления», «Лекции о Прусте») и философские обобщения (интервью «Как я понимаю философию»). Каждая из них, на наш взгляд, раскрывает различные аспекты проблемы понимания. Более того, их можно представить в виде определенных ступеней развертывания темы понимания в философских интенциях М.К. Мамардашвили.

Выявление специфики герменевтической концепции М.К. Мамардашвили потребовало изучение философских источников, ставшими уже философской «классикой». Это труды М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, К.-О. Апелья²⁰ и др. Учитывались и выводы современных работ по рассматриваемой проблематике.

Методологическим базисом диссертационного исследования является рассмотрение понимания в его онтологическом аспекте, при котором акт осмысления не только завершает познавательные процедуры, но и раскрывает горизонты бытийного пространства личности, формирует его как субъект смыслотворчества. В данном подходе принципиальными для нас являются идеи Р. Декарта, отождествляющего мышление и существование; положения философской герменевтики М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, В.В. Бибихина о понимании, как фундаментальном способе присутствия человека в мире; а также положение Е.К. Быстрицкого, рассматривающего понимание в качестве онтологического определения субъекта, путь к его личностной определённости, позволяющей по-особому воспринимать и осмысливать мир²¹.

Методологическим принципом исследования проблемы понимания в социокультурном и духовном аспектах личностного бытия является

²⁰ Апель, К.-О. Трансформация философии / Пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. — М.: Логос, 2001. — 339 с — (Университетская библиотека. Сер. Сигма).

²¹ Быстрицкий, Е.К. Понимание и практическое сознание; Понимание — окно в новый мир?// Загадка человеческого понимания. — М., 1991. — С. 25.

выявленная Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером, С.Л. Рубинштейном, Ю. Хабермасом и др. укорененность субъектных структур человека в его жизненном мире, а также положение самого М.К. Мамардашвили об обществе как среде, в которой формируется уникальное и неповторимое личностное начало. В данном контексте принципиальным для нашего исследования методологическим принципом является подход «грузинского Сократа» к рассмотрению конкретных условий формирования авторской мысли, которые и определяют направление пути понимания именно из этой точки. Данные положения позволяют понять принцип онтологической обусловленности процесса понимания, связывающего внеличностные элементы общественной структуры и развитие самой личности, как важнейшей «молекулы» общества, обладающей свободой и моральным чувством ответственности.

Изучение проблемы понимания соприкасается с вопросом ее эволюции в контексте историко-философской мысли, что обусловило применение метода исторического анализа. Компаративистский подход позволил нам выявить специфику и эвристический потенциал герменевтических идей М.К. Мамардашвили посредством сопоставления их со схожими положениями других мыслителей. Также были применены классические научные методы анализа и синтеза, позволяющие получить конкретное и одновременно целостное представление о проблеме понимания.

Научная новизна диссертационного исследования.

Любое обращение к наследию прошлого актуализирует его, а специфика философского текста, включающего в себя множество смыслов и символов, обуславливает новизну любой попытки их извлечения. Таким образом, научная новизна диссертационного исследования состоит в преломлении рассматриваемого вопроса через призму авторского понимания.

Конкретизация его находит свое отражение в следующих тезисах:

во-первых, выделены экзистенциалы – символы форм личностного осмысления бытия, соответствующие трем периодам творчества М.К.

Мамардашвили: «оттепель» – экзистенциал «надежда», «застой» – экзистенциал «отчаяние» (разочарование в надежде) и, наконец «перестройка» (революция) – экзистенциал «второе рождение»;

во-вторых, определено гносеологическое и онтологическое значение метода «инициации», который использовал М.К. Мамардашвили с целью более глубокого погружения в предмет философской рефлексии;

в-третьих, показана специфика герменевтического учения М.К. Мамардашвили, выраженная принципом движения в процессе понимания от личности автора к авторской концепции. На этом же подходе основано наше рассмотрение философии понимания М.К. Мамардашвили;

в-четвертых, процесс понимания интерпретируется как акт движения мысли, без которого невозможна духовная реализация индивида и формирование пространства его личностного бытия;

в-пятых, выделены базисные и производные метафоры (на материале философии М.К. Мамардашвили), являющиеся инструментом понимания.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концептуализация проблемы понимания в философии М.К. Мамардашвили сформировалась под влиянием внешних (социокультурных, исторических) и внутренних факторов (личностный опыт). Событие способствует накоплению не только социального, но и духовного опыта, становится очередной точкой отсчета новой мысли и нового понимания. Проблема понимания в философии М.К. Мамардашвили ориентирована на постижение условий возможности формирования пространства личностного бытия человека.

2. Философский текст и текст вообще для М.К. Мамардашвили является, прежде всего, личностным опытом. Читатель всегда ищет ответы на *собственные вопросы*, обращаясь к чужой мысли, как бы отражаясь в зеркале Другого. Методологические основания дают возможность обозначить диалог и инициацию как условие рождения свободной мысли здесь и сейчас. Текст также создает «понимательную среду» для индивида, способствующую

обретению им пространства личностного бытия. В этом заключается специфика новой герменевтической концепции, открытой мыслителем.

3. Философия, рассматриваемая М.К. Мамардашвили, как пространство, в котором можно мыслить свободно, представляет собой духовный акт, опосредующий не только мысли, но и чувства, и действия личности. Потому то, ни одна «система знаний» не способна передать этот акт в понятиях и категориях. Философская рефлексия – это всегда личностное усилие, «эстафета» внутреннего света, передающаяся от одного философа к другому. Текст или устная речь – это не только материализация мысли, но и прием постоянного «возвращения» как со стороны «говорящего», так и со стороны «воспринимающего». И в том, и в другом случае это будет акт возвращения к исходной точке для более глубокого погружения в предмет мысли, а следовательно, и более полного формирования пространства личностного бытия.

4. «Мыслю, следовательно существую» является, с точки зрения М.К. Мамардашвили, универсальной формулой человеческого бытия. Человек рождается дважды: первый раз – как индивид, второй раз – как духовное существо, понимающее и осознающее собственное бытие. Сказать «Я мыслю» – значит рефлексировать над тем, что является содержанием нашего сознания. Принять готовые формы без рефлексии все равно, что находиться в «полудреме». Мыслящий человек есть человек в подлинном смысле этого слова, мыслящий человек – человек, живущий в пространстве им самим построенного личностного и исторического бытия.

5. Метафора выступает одним из важнейших инструментов понимания, поскольку ее незавершенность является благоприятной предпосылкой для «дешифровки» ее субъектом, возможностью личного участия в формировании смысла. Через метафору проявляется элемент воображения и мнимости, уничтожается тотальная детерминация событий, а сам интерпретатор метафоры вовлекается в целую сеть ассоциативных контекстов. Метафора, как считал М.К. Мамардашвили, создает эффект

«понимательной среды» как возможности «впадания в истину» не просто мысли, но бытийствующей мысли.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его положения могут дать более ясное представление о развитии отечественной философии (советского периода), направлены на реконструкцию и обозначение основополагающих идей философского дискурса М.К. Мамардашвили.

Практическая значимость исследования. Положения диссертации, содержание и ее выводы могут быть использованы в качестве материала при разработке специальных и общих лекционных курсов по истории философии, онтологии и теории познания, социальной философии.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы, сделанные в ходе данного диссертационного исследования, обсуждались на заседаниях кафедры философии КубГТУ. Материал диссертационного исследования, его отдельные положения был апробирован на Международной научно-практической конференции «Россия и Кавказ в пространстве единой державы», г.Краснодар, 2014 г., Международной научно-практической конференции «Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия», г.Новосибирск, 2015 г., Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития современной науки и образования», г.Москва, 2015 г., Международной научно-практической конференции «Тенденции развития науки и образования», г.Москва, 2015г., Международной научно-практической конференции «Перспективы развития науки и образования», г.Москва, 2016 г.

Материалы диссертации использовались при разработке лекционных курсов и семинаров по философии. Результаты исследования изложены в тринадцати публикациях, 7 из них – в журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауке РФ, общим объемом 4 п.л.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения и библиографического списка. Общий объем - 142 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы диссертационного исследования, определены его объект, предмет, цель и задачи, степень изученности проблемы, описана методология предпринятого исследования, отражена научная новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Социокультурный и духовный контекст формирования проблемы понимания в философии М.К. Мамардашвили» автор, опираясь на автобиографический и историко-философский материал, реконструирует жизненный путь мыслителя М.К. Мамардашвили, анализирует и систематизирует теоретико-методологические основания его философии.

В параграфе 1.1. **«Социокультурные условия формирования философии М.К. Мамардашвили»** отражены социально-исторические обстоятельства становления М.К. Мамардашвили как философа, причем философа не в плане его профессионального образования, а в плане его открытия философии в себе. Мыслитель всегда замечает то, чего не видят другие, и только он ставит вопрос о сущности, причинах всего существующего. Многочисленные интервью с советским философом, озаглавленные «Одиночество – моя профессия», «Жизнь шпиона», «Мой опыт нетипичен» и др. описывают сложное положение Философа в обществе. Чтобы иметь возможность мыслить свободно, нужно быть «как все», то есть «носить кепку», а не «колпак». Можно быть рабом, но быть свободной личностью, поэтому М.К. Мамардашвили всегда подчеркивал, что он находится «во внутренней эмиграции» по отношению к внешним условиям:

«Я грузин и философ, с юности я нахожусь во внутренней эмиграции. Я хорошо понимаю, что такое быть шпионом»²².

Жизнь М.К. Мамардашвили прошла в советское время. На детские и юношеские годы пришелся самый суровый период сталинизма. Идеология и государственный контроль – это «мертвецы», препятствующие развитию духовности, это легкая и простая формула, доступная для усвоения без какого-либо напряжения, работы и мук. Наше сознание в условиях тотального идеологического контроля, послушно воспринимает готовые формы чужого опыта, лишаясь возможности создать что-то свое.

Надежда появляется вместе с «оттепелью» (лучший творческий период жизни М.К. Мамардашвили), происходит знакомство с современной европейской философией и западными интеллектуалами. Тогда же мыслитель знакомится с произведениями Пруста, серьезно интересуется темой сознания и проблемой понимания.

С идеологической реконструкцией сталинизма философ понимает свою не востребованность и *безнадежность* ситуации. Развитие центробежных тенденций советского общества в условиях демократизации вселили уверенность в М.К. Мамардашвили в начале нового витка в истории постсоветского периода. Однако далее последовало глубокое разочарование в своем народе. Несбыточность надежд и это разочарование стали причиной физического ухода мыслителя, причем само место смерти оказалось «пограничным», как и вся его судьба.

Так как исторический контекст очень важен в становлении мысли автора и его всегда нужно учитывать, когда хотим понять мысль философа, каждый период жизни М.К. Мамардашвили мы перевели в плоскость экзистенциальных категорий, где:

²²Мамардашвили, М.К. Жизнь шпиона // Режим доступа: URL.<http://mamardashvili.com/files/pdf/civilization>, 22.06.2014.

– «Оттепель» соответствует экзистенциалу «надежда», это негативный экзистенциал, так как он не дает возможности увидеть истинность своего положения.

– «Застой» – это осознание бессмысленности надежды, ему может соответствовать экзистенциал «отчаяние – ужас». Реконструкция сталинизма – это движение назад, окоченение мысли, ее тюрьма. Но в этой точке происходит избавление от «надежды» и осознание своего реального положения, что, по мнению Мераба Константиновича, приводит нас к новой стадии духовного роста – «трагическому веселью», а когда есть «веселье», то один человек может лучше понять другого.

– «Революция», исторически разрушившая единое территориальное пространство тоталитаризма, должна была это реализовать. Если абстрагироваться от ее конечных результатов, то сама по себе революция имеет совершенно новое основание. И к этому можно применить еще один экзистенциал – «второе рождение»: духовный переворот, когда сознание прощается с «идолами – мертвецами» и получает право свободно мыслить.

Все перечисленное мог уловить только Философ, для остальных историческое состоит в смене лидеров и различных событий. События же для Философа всегда внутри. Для социума «революция» есть возвращение к исходной точке, подобно фатальной неизбежности Сизифа. Из истории нужно извлекать опыт и создавать новый, если же этого не происходит, снова и снова повторяются ошибки, выливающиеся в создание новых идеологических каркасов. Ученый указывает на необходимость ответственности мыслить за других даже тогда, когда общество не использует свободу себе во благо.

Философ оказался невостребованным во время тоталитаризма и во время демократии, но именно этот факт способствовал осознанию своей личной причастности ко всему тому, что происходило вокруг него. На наш взгляд, то, что пережил сам мыслитель, нашло свое отражение в самом позднем его детище – «Лекциях о Прусте».

Во втором параграфе «Теоретико-методологические основания философии М.К. Мамардашвили» обобщены приемы и подходы, применяемые мыслителем в решении проблемы понимания.

Нельзя не отметить влияние на методологию М.К. Мамардашвили таких направлений как феноменология и экзистенциализм. Правда, мыслитель обращается только к тем аспектам, которые позволяют ему наиболее ясно изложить свое личное представление о понимании. Э. Гуссерля²³ и М.К. Мамардашвили объединяет интерес к трансцендентальному «Я». Однако советскому философу был чужд методолого-теоретический ригоризм немецкого ученого, на что указывает и Н.В. Мотрошилова: «Мамардашвили больше всего волновали не те слои феномена, которые хотел исследовать Гуссерль, а те, которые тот «сбрасывал» в результате редукции: это оболочка переживания, оболочка мысли, оболочка историчности и т.д.»²⁴. Есть и другие нюансы сопоставления, поэтому было бы справедливо согласиться с мнением Н.В. Мотрошиловой в том, что творчество М.К. Мамардашвили – это «философия феноменологического типа».

Справедливо говорить о своего рода отталкивании М.К. Мамардашвили от разнообразных теоретических источников для создания своего собственного пути решения проблемы понимания. Нами выделено несколько приемов М.К. Мамардашвили, одним из них является «инициация». Инициация – это переживание, переосмысление только что сказанного, добавление в него нового и снова возвращение к одной и той же точке. В век высоких технологий материалом для изучения становится не живое слово, а текст. Традиция устного философствования, идущая от Сократа, зачастую уступает место уже готовой, завершенной мысли, формализованной в научном труде. Инициация «реанимирует» диалог

²³ До этого можно упомянуть и предшествующих мыслителей, оказавших влияние на формирование трансцендентальной философии - Декарта, «золотую триаду» немецкой классической философии: И.Канта, Ф.Шеллинга, Г. Гегеля.

²⁴ Мотрошилова, Н.В. Мераб Мамардашвили. Философские размышления и личностный опыт.-М.,2007. С.86.

Сократа и может существовать только в движении: в живой речи или в размышлении.

«Майевтика» также востребована М.К. Мамардашвили. Целью Сократа, впервые ее применившего, было открытие нового знания, целью советского философа – совершить открытие индивидуальное. М.К. Мамардашвили не задавал вопросов, он говорил о необходимости создания «понимательной среды» для индивида, которую может сконструировать философ через живое слово или философский текст.

Во второй главе «Понимание как титульная проблема в философии М.К. Мамардашвили: поиск пути создания пространства личностного бытия» раскрывается онтологическое содержание понимания. В качестве рабочего материала за основу взяты тексты М.К. Мамардашвили.

В параграфе 2.1 «Как я понимаю философию»: философия как особая «техника» мысли» говорится о философии как условии свободной мысли, как способе раскрытия духовных возможностей человека.

Интервью М.К. Мамардашвили, озаглавленные в дальнейшем «Как я понимаю философию», представляют собой размышление о философии вообще. «Как **Я** понимаю философию» изначально исключает готовую истину, которую всегда ждет читатель или слушатель от ученого мужа. Однако цель автора не убедить, а больше – направить, подтолкнуть, остальное же, дело каждого «Я». Необходимо развести два представления о философии: философия как учебная дисциплина и внутренний духовный акт, так как концепция Мераба Константиновича исходит изначально из понимания философии как внутреннего усилия, независимого от количества часов, прочитанных в академической школе. Философский текст сам по себе включает в себя совокупность понятий и идей, «связанных по законам логики», но настоящая философия начинается не тогда, когда мы пытаемся раскрыть содержание таких слов как «субстанция», «время», «бытие» и т.д., а задумываемся над самой возможностью задавать вопрос. Есть иллюзия некой возвышенности, которую может дать изучение философии. На деле же это

«охота на экзотических зверей»: «в действительности на вопрос, что такое субстанция, ответа просто нет. Ибо все ответы уже существуют в самом языке. Я хочу сказать, что в языке существует некоторое потенциальное вербальное присутствие философской мысли. И незаметно для себя мы оказываемся в плену этой вербальной реальности»²⁵. Человек, по убеждению М.К. Мамардашвили, должен исходить из своего собственного живого опыта и те вопросы, что из этого опыта рождаются, и есть то, что он должен для себя решать. Только в этом случае имеет смысл открывать философскую книгу.

По сути, философия нужна не для того, чтобы чему-то научиться, философия открывает множество возможностей для нашего вопрошающего сознания. Философское раскрывается посредством какого-либо внутреннего испытания. Страдание или другая сильная эмоция способствует временному отрешению человека от мира. Мы сосредотачиваемся на своих внутренних ощущениях и тем самым становимся очень близки к тому, чтобы что-то *понять*. И это только «полпути». Далее осуществляется философское постижение мира, где мир – сам человек, его собственное сознание. Метатеория сознания и процесс понимания как условие самого сознания находят свое отражение в другой творческой работе Мераба Константиновича «Картезианские размышления».

В параграфе 2.2. «Картезианские размышления»: реконструкция проблемы понимания» рассматривается онтологический аспект понимания. Если кратко, то это попытка ответа на вопрос: «*Как рождается мое понимание?*» Анализируя мысль Р. Декарта, М.К. Мамардашвили применяет к ней собственную методологическую установку. Историки стремятся воссоздать прошлое как можно ближе к источнику, у М.К. Мамардашвили нет такой цели. Обращаясь к Декарту, он реконструирует его философию, но реконструирует через призму своего внутреннего опыта, преобразуя рациональные формы в метафоры – экзистенциалы. Замечание, которое

²⁵Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. с.16.

следует оговорить, мы находим в статье Елены Ознобкиной: «Эту книгу («Картезианские размышления»²⁶) сможет прочесть только тот, кто обречет себя на медленное продумывание достаточно сложных философских реалий – продумывание их не на языке профессиональных философов (пренебрежительно называемом Мамардашвили «воляпюком»), но на языке свободного произведения, на языке собственной мысли»²⁷.

Тексты Декарта, в контексте интерпретаций М.К. Мамардашвили, не есть просто обобщение тех знаний, которые ему обеспечили славу выдающегося философа, математика – это личный медитативный опыт, следствие личного усилия, озарения, чего-то, что навсегда останется тайной для читателей: «...Мы видим перед собой одну устойчиво воспроизводящуюся в истории французского духа – связку души. Это особое воодушевление, энтузиазм. Какое-то стояние в звенящей прозрачности одиночества, – одиночества, оживляющего все душевные силы, все, на что способен сам, из собственного разума и характера, без опоры на что-либо внешнее»²⁸.

Главной аксиомой как самих лекций Мераба Константиновича, так и его концепции понимания является формула «Cogito ergo sum» – «Мыслю, следовательно Я есть». Известно, что данная цитата нашла в истории философии множество толкований, но наиболее репрезентативный подход считает ее обоснованием аподиктической истины, прежде всего, для философской науки. У М.К. Мамардашвили «избитая» фраза наполняется совершенно неожиданным смыслом и, в общем-то, выступает отражением «преобразования, перерождения самого себя»: «Именно сознание «ego cogito» (взятое трансцендентально, т. е. как необходимая форма всякой актуальности), именно то, что в нем осмысливается и понимается, недоступно представлению. Оно осуществляется (и доступно) феноменально, как

²⁶Примечание Пашковой Н.В.

²⁷Ознобкина, Е.В. Одинокий картезианец // Новый Мир», № 6. 1994. С. 25.

²⁸Мамардашвили, М.К. Картезианские размышления // Философские чтения СПб. 2002. с.511

«способное» порождать и выдавать нам феномены. Оно само, так сказать, феномен феноменов»²⁹.

«Я» есть «когитальная точка опоры», на основе которой осуществляется понимание. Это процесс, где «понимание» является собой отвержение всего привычного, стандартного, типового и заимствованного. Это есть движение мысли, обеспечивающей «доопределение» всякой вещи в мире. В этот момент «Я» становится другим, «перерождается», открывает для себя то, что «есть на самом деле»: «Второе рождение» есть «пробуждение себя, прорыв через пелену действительности к тому, что есть на самом деле, к реальности»³⁰. Это важнейший концепт понимания, осуществляющий благодаря редукции – «срезание того, что вошло в тебя» помимо твоей воли, отсекание чужой мысли и всего, что появилось без твоего согласия. Человек освобождается и создает новые (свои) идеи.

М.К. Мамардашвили говорит об «удержании» мыслительного акта, самой рефлексивной ситуации, которая постоянна в процессе понимания. Процесс понимания есть внутренний акт, осуществляющийся благодаря усилию нашего сознания. Усилие невозможно вызвать объективными факторами, то есть нельзя заставить человека размышлять, если он сам не будет готов и открыт к этому.

Когда мыслящий попадает в особое мыслительное пространство («понимательную среду»), он сам участвует в продуцировании новой мысли. Акт мысли есть чудо, «вспышка», его невозможно спланировать и тем более разложить на атомы и молекулы. Вышеизложенное можно обобщить следующим образом:

1. Истоки понимания – внутренняя потребность «Я».
2. Различение «моего Я» и «Я» – двойника, социально обусловленного, происходит в результате глубоких эмоционально-

²⁹Там же. с.616

³⁰Мамардашвили, М.К. Картезианские размышления // Философские чтения СПб. 2002. С.519.

психологических, экзистенциальных состояний. Любая эмоция дистанцирует «Я» от мира и подталкивает к рефлексии.

3. Вопросание о «моем» есть высшая точка рефлексии, метатеория сознания, иницирующая акт мысли и начало понимания.

4. Понимание может быть только индивидуальным, у каждого сознания есть свои собственные средства, именно поэтому мы говорим именно о «моем» понимании.

В параграфе 2.3. «Лекции о Прусте»: метафора как инструмент смыслотворчества и понимания» раскрывается сущность оригинальной герменевтической концепции М.К. Мамардашвили.

Философский текст создает благоприятные предпосылки для интерпретаций, является потенцией смыслов. Различные толкования идей обусловлены тем, что сознание индивида обладает «ассоциативной гибкостью», включает собственные средства, способствующие пониманию. Важную роль в этом процессе играют метафоры. Те формы, которые «Я» использует в процессе усвоения и освоения внешнего, имеют индивидуальный «отпечаток» и доступны только ему, реализуясь в разнообразных метафорических формах.

На материале текстов М. Пруста М.К. Мамардашвили вскрывает эвристическую, аксиологическую стороны метафоры. Метафоричность текста всегда предполагает усилие, а усилие – это движение, преобразование, процесс, порождающий новое.

Для М.К. Мамардашвили важен особенный эффект «понимательной среды», который создает метафора. Существуют препятствия процессу понимания и включения индивида в эту «понимательную среду». Они представлены у советского философа триадой негативных метафор, одновременно являющимися экзистенциалами, поскольку отражают внутренний опыт индивида. Речь идет о «лени», «страхе» и «надежде». Если систематизировать размышления мыслителя, то весьма кратко:

– пребывание в состоянии лени, страха и надежды может сравниться со сном. Человек мирится со всем, что его окружает, приспособливается к правилам игры, принимая их полностью и безоговорочно, тешит себя иллюзией лучшей жизни, не прилагая при этом личных усилий;

– преодоление спящего состояния возможно при условии желания индивида узнать свое истинное положение дел, для этого, возможно, он переживет отчаяние этой реальности;

– эмоция – встряска, «большой взрыв», обеспечивающий «второе рождение». Данную метафору М.К. Мамардашвили использует довольно часто, она выступает своеобразным основанием его личной интерпретации процесса понимания. Первое рождение происходит на физическом уровне, второе рождение – это всегда рождение на уровне духовном: открытие человеком самого себя в качестве духовной единицы, являющейся бытием и бытие созидающей. Как при первом рождении испытываешь боль, так и при «втором рождении» приходится пройти серьезные испытания в виде сомнений, внутреннего страха, непонимания.

«Лекции о Прусте», «Картезианские размышления» – это работы не только о Прусте и Декарте. Это целостные образы, созданные М.К. Мамардашвили для воплощения и реализации своей философской интуиции.

М.К.Мамардашвили понимает философию через Другого – автора текста (в нашем случае, это Декарт, Пруст – мыслители, через которых он входит в пространство мысли). Цепочка процесса понимания находит свое продолжение в феномене Других – вовлекаемой аудитории, которую мыслитель вводит в создаваемую им «понимательную среду».

Таким образом, мы видим, что все три монолога М.К. Мамардашвили – это проговаривание вопроса понимания как проблемы, которую может и должен решить человек лично для себя.

В **заключении** диссертации обобщены результаты и подведены итоги исследования.

Основные научные результаты диссертации опубликованы в следующих научных работах:

Научные статьи в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ:

1. Пашкова, Н.В., Куземина, Е.Ф. Ностальгия по человеку (антропологический поворот в философии М.К.Мамардашвили) // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). 2011, № 2.– 0,3 п.л.

2. Пашкова Н.В. Безграничное пространство мысли М.К. Мамардашвили // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). 2011, № 4.– 0,5 п.л.

3. Пашкова Н.В. Свобода как необходимая форма существования (философия М.К. Мамардашвили) // Вестник Адыгейского государственного университета (электронный журнал). 2011, № 3– 0,9 п.л.

4. Пашкова, Н.В., Куземина, Е.Ф. Понимание как индивидуальное свершение // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). 2012, № 2. – 0,25 п.л.

5. Пашкова, Н.В., Куземина, Е.Ф. «Картезианские размышления» М. К. Мамардашвили: шаги осмысления бытия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки (электронный журнал). 2013, № 4.– 0,2 п.л.

6. Пашкова, Н.В., Куземина, Е.Ф. Философия как пространство свободной мысли // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). 2015, № 8. – 0,2 п.л.

7. Пашкова, Н.В., Куземина, Е.Ф. Сложность как необходимость // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). 2015, № 4. – 0,25 п.л.

Статьи и тезисы в других изданиях:

8. Пашкова, Н.В. Разговор – ключ к спасению! //Россия и Кавказ в пространстве единой державы. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2014. – 0,3 п.л.

9. Пашкова, Н.В. Диалог как форма бытия//Наука и образование в XXI веке. Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции: АР-Консалт, 2014. – 0,25 п.л.

10. Пашкова, Н.В. Понимание как ключевая проблема в философии М.К. Мамардашвили // Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия. Новосибирск, 2015. – 0,25 п.л.

11. Пашкова, Н.В. М.К.Мамардашвили: мысль в исполнении //Актуальные проблемы развития современной науки и образования. Материал научно-практической конференции: АР-Консалт, 2015.– 0,1 п.л.

12. Пашкова, Н.В. Философия как особая техника мысли: «Как я понимаю философию» // Тенденции развития науки и образования. Материалы Международной научно-практической конференции: АР-Консалт, 2015.– 0,1 п.л.

13. Пашкова, Н.В. «Символ и сознание»: метафизика сознания в контексте учения М.К. Мамардашвили // Перспективы развития науки и образования. Материалы Международной научно-практической конференции: АР-Консалт, 2016.– 0,4 п.л.

Для заметок

Сдано в набор 30.01.2017. Подписано в печать 30.01.2017.

Печать офсетная, гарнитура Times New Roman.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 1,4.

Тираж 100 экз. Заказ № 437.

Отпечатано в типографии

ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111

тел. 8-918-570-30-30.